

Чжоу Лоянь принес Ань Мо в спальню и заключил в объятия. Он заметил, что Ань Мо заметно похудел: казалось, стоит приложить хоть немного усилий, и это хрупкое тело рассыплется в прах.

Ему пришло в голову, как же этот слабый и тонкий стан вообще выдерживал его безумные и необузданные домогательства.

У него была зависимость от Ань Мо, и отрицать это не имело смысла. На самом деле, он всегда хотел увидеть, как красиво будут выглядеть слезы, падающие из миндалевидных глаз Ань Мо.

К сожалению, его омега-брат был слишком упрям. Даже когда он до крови искусал ему шею, мужчина не издал ни единого звука.

Чжоу Лоянь, нечасто проявлявший нежность, склонился и поцеловал его тонкие губы, затем перешел к длинным густым ресницам, едва касаясь их короткими поцелуями.

Ань Мо спал так послушно, совсем не напоминая свою обычную холодность. В его объятиях в нем проступала та самая хрупкость, присущая омегам.

Он погладил Ань Мо по губам и тихо прошептал:

— Брат, давай я буду относиться к тебе немного лучше.

Глаза Ань Мо внезапно защипало. Он все еще не спал, точно так же, как знал, что этот мужчина снова его обманывает.

Это было похоже на золотую клетку: ты боишься, что птица задохнется, и изредка выпускаешь ее наружу, но это не меняет ее судьбы — вернуться обратно в железную клетку. Поэтому та короткая вспышка свободы была не нужна.

Он точно так же предпочел бы не получать ни крохи нежности, которую мужчина подавал как милостыню из жалости.

Это лишь заставило бы его чувствовать себя еще ничтожнее и пробудило бы ненужные надежды.

На следующее утро Ань Мо встал очень рано. Умывшись, он надел фартук и принялся готовить завтрак.

Примерно через полчаса Чжоу Лоянь не спеша поднялся с постели и подошел к дверям кухни, неотрывно наблюдая за Ань Мо.

Омега был перехвачен в талии, выглядя совсем тонким, пока методично жарил яичницу.

Ань Мо умел готовить и в свободное время любил заниматься домом. Было видно, что он человек, искренне любящий жизнь.

Иногда Чжоу Лоянь думал, что жить вот так просто и уютно с Ань Мо было бы совсем неплохо. Но стоило этой мысли появиться, как глубоко внутри просыпались ненависть и навязчивые идеи, начиная неистово кричать, не давая покоя.

В итоге он оставлял на теле Ань Мо все более глубокие шрамы.

Тогда он еще не знал, что, ранив другого на тысячу, сам теряешь восемьсот, а та боль, что причинялась Ань Мо, в конечном счете вернется к нему самому, усиленная в десятки и сотни раз.

Чжоу Лоянь вернулся в гостиную, взял кое-что с дивана, а затем тихо подошел к Ань Мо со спины, обнял его и улыбнулся:

— Брат, доброе утро.

Ань Мо поднял взгляд. Чжоу Лоянь взял его за руку и вложил в нее букет.

— Брат, жакаранда цветет только в начале лета, поэтому не смог купить тебе свежих цветов, довольствуйся этим.

Жизнь Ань Мо была лишена ярких красок, он любил ухаживать за цветами и читать книги. Чжоу Лоянь подумывал о том, чтобы вместе отметить годовщину их свадьбы, но Ань Мо ни на что не соглашался, не хотел идти в шумные места. Чжоу Лоянь впервые проявил к нему уважение и не стал настаивать.

Что нравится, то и нужно дать.

— В следующем году я расширю сад и найму людей, чтобы они засадили его жакарандой, — голос Чжоу Лояня звучал необычайно мягко.

Ань Мо не понимал, что у него на уме: когда он мучил его, то был жестоким и злым, а когда проявлял заботу, казалось, будто он действительно дорожит им.

На самом деле Чжоу Лоянь просто видел, что Ань Мо в последнее время сильно похудел и осунулся, и боялся, что если загонит его в угол, то случится непоправимое, поэтому решил немного смягчить обстановку.

— Убери цветы, они мне не нужны.

— Это уже не тот букет, — Чжоу Лоянь был немного недоволен. Он знал, что Ань Мо брезгает вещами, к которым прикасался тот омега.

Ань Мо на самом деле не хотел ничего, что давал бы ему он.

Но ему было лень препираться с Чжоу Лоянем, он был далеко не таким бесстыдным и наглым:

— Я понял. Убери пока, они пропитаются кухонным чадом и станут некрасивыми.

<http://bllate.org/book/21440/2191255>